

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах Том шестой.
Сибирские рассказы. Рассказы, повести 1893-1897.
Золотопромышленники // "Правда", Библиотека "Огонек", М., 1958
FB2: "rvvg ", 11 October 2013, version 1.0
UUID: 1B5546D7-46F6-42CB-A338-E687E901C7CD
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Хищная птица (Золотая лихорадка)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирурги-

ческой академии. В поисках заработка он с 1874 г. становится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ. В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0015
III.....	.0024
IV.....	.0034
ПРИМЕЧАНИЯ.....	.0040

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Хищная птица

Погоня висела уже на хвосте. Слышен был топот приближавшейся бешеной скачки. По ходу догонявшей лошади старик догадался, что кучером у ревизора сидит Исайко, — так никто не проедет на сто верст...

— Ох, смертынька! — причитала толстая, закутанная в платки женщина, со страхом оборачиваясь назад. — Ох, у смерти конец...

— Молчи! — крикнул на нее старик, посылая лошадь одним движением вожжей. — Поменьше бы ела пирогов, так в жисть не догнать бы Исайке...

Женщина покорно замолчала. Висевшая над головой опасность совершенно сгладила всякую разницу между хозяйкой и кучером. Момент был решительный, и каждая минута могла погубить.

Спасение появилось неожиданно, то есть неожиданно для нее, а не для него. Топот по мерзлой дороге был уже совсем близко, лошадь начинала сдавать, но именно в этот момент попалась «росстань», то есть дорога разделилась, как в сказке, на три, и, как в сказке,

старик направил свою кошовку по средней, на которой путнику «не видать ни коня, ни головы». Проехав сажень двести, старик остановил лошадь.

— Ну, Марья Митревна, за родительские молитвы ты ущитилась, — проговорил старик, слезая с облучка.

— И то, Акинтич, душенька вон...

Акинтич, худенький старичок с козлиной бородкой и глубоко посаженными темными глазками, снял шапку, чтобы удобнее прислушаться, пожевал губами и засмеялся.

— Эх, Исайко, Исайко, дал маху! — точно с сожалением проговорил он, надевая шапку. — Уж он ли, пес, не знает дорог в лесу, а ударил налево — думает, мы на Колчеган махнем, к Елисею Иванычу... Хе-хе!

Марья Митревна, охваченная страхом погони, с ужасом оглядывалась все назад, и ей было неприятно, что Акинтич смеется. Нашел тоже время... Старик перепоясался, поправил чересседельник, вытер полый шубы покрытые куржаком ноздри тяжело дышавшей лошади и заворчал на нее:

— Ишь как жир-то тебя донимает, купчи-

ху. На восьми верстах задохлась, толстомордая. Ужо вот я тебя выучу...

Несмотря на пятнадцатиградусный холод, лошадь вел дымилась, точно выскочила из бани. Она действительно была закармлиена и едва дышала, раздувая крутые бока и мотая головой. Акинтич потрепал ее по крутой шее, еще раз оправил седелку и начал поворачивать.

— Ты это куда, Акинтич? — воскликнула Марья Митревна.

— А домой... — спокойно ответил старик. — Пусть теперь левизор нас по всем дорогам ищет, а мы домой потихоньку поедем. Как раз к самому чаю выворотимся... Савва Ермилыч, поди, заждался.

Старик опять засмеялся и прибавил:

— Недаром, видно, сказано, что у погони сто дорог, а у вора одна дорога... Хе-хе...

— Перестань молоть, — хозяйским тоном обрезала его Марья Митревна. — Ох, только бы господь пронес... Кажется, уж ничего бы не пожалела...

«Как же, не пожалеешь... Разговаривай! — думал Акинтич, взмащиваясь на облучок. —

Тонул — топор сулил, вытащили — топорища жаль».

Теперь опасность миновала, и старик нарочно ехал тише, чтобы позлить хозяйку. Домой-то приедет гроза грозой, а теперь — вся в его руках. Вот уж обрадует Савву Ермилыча, как воротится живехонька...

Дорога шла ельничком. Деревья были точно обложены ватой, — зима была снежная, какой старики не запомнили. Начинало уже смеркаться. На случай встречи с кем — совсем хорошо. Разве лошадь только признает... Потом мягкими хлопьями повалил снег — еще того лучше.

Марья Митревна приободрилась и даже ткнула Акинтича кулаком в спину.

— Ты это што дремлешь-то, разиня?!

Акинтич сразу почувствовал себя старым верным рабом и точно сделался меньше. А как он давеча-то зыкнул на нее, на Марью Митревну. Ох, што только и будет!..

Когда кошовка подъезжала к Октайскому заводу, было уже совсем темно. Издали дома рисовались совсем неясно, и только яркими всполохами светилась фабрика.

— Слава тебе, истинному Христу! — вслух молилась Марья Митревна, когда кошовка быстро полетела по широкой заводской улице.

В избах уже зажигались огни. Навстречу попалась управительская пара, но кучер, видимо, не узнал Акинтича, который, на случай, отвернулся. Переехали плотину, которой перехвачена была река Октай, поднялись немного в гору, где стояли дома заводских служащих, и повернули направо. Лошадь сама повернула к большому полукаменному двухэтажному дому и остановилась у деревянных ворот, выкрашенных в серую краску. Акинтич соскочил горошком, постучался у калитки и крикнул:

— Эй ты, старый глухарь, шевелись!..

Послышались торопливые шаги, сопровождаемые старческим кряхтеньем, грянул железный запор, ворота распахнулись, открывая широкий двор, обставленный со всех сторон службами и домовыми пристройками. Огонь был только в кухне, да наверху, в кабинете. С улицы в дом хода не было, и он походил на крепость.

— Ну, слава Христу... — как-то вся охнула Марья Митревна, вылезая из кошовки с большим трудом.

Она огляделась кругом и только потом достала из кошовки зарытый в сене кожаный мешок и с трудом дотащила его к заднему кухонному крыльцу. Акинтич проводил ее глазами до дверей и сердито отплюнулся.

«Эх, надо бы ее было поучить! — думал он, укоризненно качая головой. — Кабы леви-зор-то накрыл даве, так и по судам бы натаскалась и в остроге бы насиделась. Жадна больно...»

Марья Митревна прошла в кухню, где ее уже ждала стряпка с заспанным лицом. Она не успела выскочить навстречу хозяйке и смущенно ухватилась за кожаный мешок.

— Оставь, дура!.. — обругала ее Марья Митревна, не давая мешка.

Собственно, жили только в нижнем этаже, в маленьких, заставленных мебелью комнатах, а верх служил только для парадных случаев и стоял пустой. Марья Митревна прошла к себе в спальню, сунула свой мешок в угол, разделась при помощи стряпки и приказала:

— Позови сюда Акинтича.

Марья Митревна была еще не стара, но ее портила купеческая брюзглость. Лицо совсем заплыло, хотя еще и сохранились следы недавней красоты в русском стиле. Одевалась она по-купчески, а на голове носила черную шелковую «головку». В манере говорить и держать себя чувствовалась привычка быть деспотом. Это чисто сибирская черта, потому что в Сибири громадные торговые фирмы очень нередко управляются женщиной, особенно в раскольничьих промышленных семьях, а в купечестве наособицу, если у жены свой собственный капитал.

Акинтич торопливо разделся в кухне и, потряхивая своей маленькой головкой, пошел в спальню к «самой». Старик был такой худенький и жалкий, когда остался в одном полукафтани.

— Ну, что скажешь, старый черт! — встретила его Марья Митревна на пороге. — Я уж думала, ты меня ударишь...

— Дело-то такое, Марья Митревна... Виноват, — бормотал Акинтич, поводя костлявыми плечами. — Значит, надо тоже понимать,

а твоя женская часть...

— Ладно, я с тобой еще поговорю...

Она ушла в спальню и вернулась со стаканом водки.

— Вот на, выпей... Тоже, поди, напужался. Да... Выпей да помни, ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

— Ох, матушка, Марья Митревна, да руби меня топором — не пикну. Знать ничего не знаю, ведать не ведаю.

Марья Митревна сунула ему за труды грибенник и велела убираться. Не так бы она рассчиталась с ним, ежели бы не нужный человек... Акинтич жил при доме с испокон веку и давно сделался своим человеком, от которого не было тайн. Очень ей хотелось сорвать на нем сердце, но уж дело такое подошло. Собственно, испугалась по-настоящему Марья Митревна только сейчас, и ей живо нарисовалась картина, как ревизор накрывает ее с поличным, — в кожаном мешке она везла ровно полпуда краденой платины, — как потом ее потащили бы к следователю в суд, а там и в острог. У нее пошел мороз по коже от этих мыслей. Марья Митревна присела на

кровать и заплакала бессильными бабьими слезами.

Марье Митревне сделалось обидно до боли. Что она такое в самом-то деле? Другие мужние жены «сном дела» не знают. Живут себе, как курицы, а она-то какого страху на-принималась... А все отчего? Если бы муж был у нее настоящий, правильный человек, так разве бы то было... Ей вдруг захотелось кому-то пожаловаться, поплакать, слушать утешительные слова, чувствовать сильную мужскую ласку, а вместо этого глотай слезы в одиночку. В следующий момент Марью Митревну охватило тяжелое чувство ненависти к мужу, который без всякого дела забрался на-верх и без толку палит стеариновые свечи.

«Рад, что жена уехала, — вот и забрался в горницы! — думала она, вытирая слезы и поправляя перед зеркалом выбившиеся из-под косынки волосы. — Мадеру проклятую, поди, лакает... да. А сам, поди, еще думает, что вот влопается жена с платиной, посадят ее в острог, — так топда, мол, полная моя волюшка...»

Взвинтив себя этими мыслями, Марья

Митревна, не торопясь, направилась наверх, в горницы. Из низу вела узенькая деревянная лесенка со скрипучими ступеньками. В парадной передней было темно и в большой зале тоже. Идти в кабинет приходилось через гостиную, и Марья Митревна издали слышала бормотанье и хриплый смех самого.

«Так и есть, успел налакаться!.. — с ожесточением подумала Марья Митревна, сжимая кулаки. — Растерзать его, идола, мало... Ох, погубитель мой!..»

Дверь в кабинет была полуотворена, и из нее падала в гостиную золотая полоса света. Марья Митревна быстро схватилась за ручку, распахнула дверь настежь и остановилась на пороге как вкопанная. Она удивилась бы меньше, если бы в нее выстрелили в упор. В кабинете у письменного стола сидел Савва Ермилыч, небольшого роста худенький мужчина, с красным носом. Савва Ермилыч был пьян, перед ним стояли две пустых бутылки из-под мадеры — все это было в порядке вещей... Но Марью Митревну поразило то, что напротив, на кушетке, развалился сам горный ревизор Степан Иванович Кульков, от ко-

торого она спасалась какой-нибудь час назад.

Неожиданное появление жены смутило хозяина, и он сделал попытку спрятать пустые бутылки, но Степан Иваныч, тоже худенький, длинноносый и черноволосый господин, не смутился, а поднялся самым развязным образом с кушетки (справедливость заставляет заметить, что он при этом заметно покачнулся, но это не может быть поставлено ему в вину, потому что он был пьян вот уже ровно пятнадцать лет) и проговорил:

— А, дорогая хозяйка... гм... Очень приятно... очень... да.

Марья Митревна не двигалась.

— Ручку-с, сударыня... Хе-хе!..

Он, покачиваясь, подошел к ней, взял за ручку и расцеловал прямо в губы.

— По-родственному... — объяснил он, подмигивая слезившимися глазами. — Ибо, мадам, Петр Великий сказал прямо... да... прямо... что пред господом мы все подлецы и мерзавцы... Значит, и выходим все родственники... Хе-хе!..

Марья Митревна только теперь опомнилась и отплюнулась:

— Тыфу ты, окаянная душа... Разве полагается мужних жен зря целовать? Ежели бы у меня был настоящий муж, так он бы показал тебе... А ты, пьяница, чего смотришь? — накинулась она с деланным азартом на мужа. — Какой ты муж, когда всякий у тебя на глазах может делать с женой, что хочет...

Савва Ермилыч только замахал руками, но на всякий случай выставил кресло впереди себя как баррикаду: Марья Митревна в гневе отличалась большой скоростью на руку. В периоды запоя она сильно колотила мужа чем попало, причем имела дурную привычку орать на весь дом благим матом, так что незнакомый человек мог подумать совершенно наоборот, то есть что пьяный Савва Ермилыч бьет ее, а не она его. Впрочем, сейчас его спас Степан Иванович, который дрожащими руками налил рюмку мадеры и, расплескивая вино, поднес ее Марье Митревне.

— Ангел, прикушайте...

— Отстань ты, греховодник! — уже смягченно проговорила Марья Митревна, принимая рюмку. — Пьете тут, как дудки...

— Натура такая, Марья Митревна... И

неприятно, а пьешь.

Эта короткая сцена сразу успокоила Марью Митревну. Значит, давешняя погоня была пустяки: просто кто-то ехал позади, а ей с Акинтичем показался ревизор. Хорош ревизор, когда его хоть выжми — вон как насосались с благоверным муженьком!.. Она даже улыбнулась и под села к столу.

— Хоть пригубьте, ангелочек, — упрашивал Кульков, — хотите, на коленях буду просить?..

Марья Митревна сама любила выпить, но делала это потихоньку ото всех, так что об этом не подозревал даже муж. А сейчас она сделала вид, что пьет из вежливости, чтобы не обидеть дорогого гостя.

— Ну, уж так и быть... — жеманилась она, прихлебывая вино маленькими глотками. — Уж только для тебя, Степан Иванович...

— Ох, мать честная, вот уважила! Еще рюмочку, ангелушка...

Марья Митревна выпила вторую рюмку и покраснелась. Ей сделалось вдруг так легко-легко, и она смотрела немного осовелыми глазами на топтавшегося на одном месте ре-

визора. И чего в нем страшною, подумаешь?.. Она его боится, а он к ней целоваться лезет... Уж истинно, что одна бабья глупость. Но эти легкие мысли скоро были нарушены пьяной болтовней ревизора. Положим, он и всегда плел невесть что под пьяную руку, а трезвым не бывал, но Марью Митревну взяло большое сомнение.

— Э, все меня считают пьяным дураком... — бормотал он, причмокивая и подмигивая. — А вдруг я окажусь умным? Хе-хе... Худо будет. Может быть, я и сегодня хотел быть умным? Ха-ха... Ведь хорошо быть умным, Марья Митревна? Ведь вы, душенька моя, приторговываете краденым золотишком...

— Перестань ты молоть, Степан Иваныч... Что только и скажешь?

— Нет, я к слову... А вдруг я умный: сейчас понятых... этак вечерком... обыск... хе-хе!.. А где-нибудь в уголочке и запрятан кожаный мешочек, да не с золотом, а с платиной... Все бывает, душа моя. На людях и смерть красна... Люблю я вас, а ежели говорить правду, так все вы воры... хе-хе! А ты не обижайся, ангелушка. Любя говорится...

Смущение Марьи Митревны увеличивалось еще больше тем, что Савва Ермилыч, вместо того, чтобы обидеться, хихикал, как дурачок, закрывая рот рукой. Самые строгие взгляды жены только сильнее разжигали эту веселость.

— Ох, матушка, уморила! — бормотал он, отмахиваясь рукой. — Так все воры, Степан Иваныч? Веселенькая компания, нечего сказать... А тебе выходит семейная радость вполне: получай родственников.

Марья Митревна, наконец, обозлилась. Перед ней были не муж и ревизор, а два пропойца. Она ответила в том же шутливом тоне, как говорил Кульков:

— А ты около себя поближе поищи вора-то, Степан Иваныч... Не тот вор, кто ворует, я кто вора покрывает.

— Правильно. Беру, только беру, душа моя ангельская, натурой: вот сигарок хорошеньких пришлешь — возьму, винца хорошего — тоже, балычка донского, икорки астраханской — все возьму да еще тебе же спасибо скажу. А вот денег, мать моя, не случилось брать... Не случилось, родная. Ни богу, ни чер-

ту не грешен... Хе-хе!.. Пьян да умен — два уго-
дья в нем. Так-то, Марья Митревна...

— Чужая душа потемки, Степан Иваныч. Ежели кто и берет, так руки-ноги не оставля-
ет...

— Пустое, мать... А я так буду говорить: ез-
дил я вот сейчас по дороге на Колчедан...
так... прокатиться... Кабы снег не пошел, так
до Елисея Иваныча бы вплоть доехал. Хоро-
шие у него пельмени жена делает... Еду я, а
впереди кошевка... хе-хе! Я за ней, а она от ме-
ня... хе-хе! Из глаз так и ушла... Кабы я злой
человек был, так разве бы выпустил добычу
из рук? Начальство к празднику бы награду
дало за поимку хищника...

— А может, так кто ехал?

— У меня нюх, сударыня, есть...

— Просто поблазнило тебе, Степан Ива-
ныч...

— Я и сам то же думаю... Ну, да не в этом
дело. Люблю я пошутить... хе-хе!.. А в другой
раз и пожалеешь...

Кульков хлопнул Марью Митревну по пле-
чу и, наклонившись к уху, шепнул;

— А настоящий, хороший петух никогда

курицы не обидит... Вот ты и мотай себе на ус, мать. Хе-хе!

Кульков действительно взятков не брал, что было хорошо известно всем, но под пьяную руку любил поломаться. Марья Митревна поняла одно, что он ее узнал давеча, но хотел только попугать на всякий случай. А впрочем, кто знает, что у него было на уме...

Скоро Кульков совсем напился и, обнимая Савву Ермилыча, говорил заплетавшимся языком:

— Э, ангел мой, я все понимаю и все вижу... Вы друг у друга с промыслов золото да платину воруете, ну и воруйте. Мое дело сторона. Много будет вам чести, ежели я еще себя буду беспокоить из-за вашего-то воровства.

Среди других уральских горных заводов Ок-
тайский занимал вредное положение — не
по своей специальности, как чугуноплавиль-
ный и железоделательный завод, а как центр
золотопрмышленности и платинопрмыш-
ленности. Золотое дело началось здесь еще
«при казне», как говорили старожилы, — в то
доброе старое время, когда вся горнозавод-
ская промышленность находилась на воен-
ном положении. Но уже в это жестокое время
успела проявиться характерная черта всей
русской золотопрмышленности, каравшаяся
«зеленой улицей» и каторгой, это — отча-
янное воровство. Проявились и наметились
типы будущих золотопрмышленников, кото-
рые вырастали под давлением мысли о диком
счастье и легком обогащении. В числе этих
первых золотопрмышленников ярко выде-
лился отец Марьи Митревны, старик Мокру-
шин, который три раза наживал большое со-
стояние, три раза его проживал и кончил са-
мой обидной нищетой разорившегося золото-
прмышленника.

Марья Митревна выросла именно в этой обидной нищете. Отец лежал разбитый параличом, приходилось воспитывать маленьких сестер и братьев в самой ужасной обстановке. От прежнего великолепия единственным воспоминанием оставался старик Акинтич, не изменивший Мокрушину и в дни его падения. Это был типичный верный слуга, составлявший органическую часть «самого» Дмитрия Поликарпыча Мокрушина. Он носил еще на руках маленькую Маню, а потом служил ей, когда она убивалась над разоренной семьей, как птица над прошлогодним гнездом.

— Ох, Машенька, только бы нам чуточкудохнуть... — повторял Акинтич, жалея убивавшуюся над работой девушку.

Вероятно, в человеческой природе лежит не искоренимая ничем привычка непременно олицетворять причины своих неудач и бедствий. Старик Мокрушин умер с мыслью, что его разорил лучший друг Елисей Иванович Шухвостов, с которым он делил и горе и радость, и удачи и неудачи. Даже полное разорение Шухвостова не оправдало его в глазах старого приятеля. Эта мысль перешла по на-

следству в семью, и Марья Митревна, находясь в самой отчаянной нужде, никогда даже не подумала обратиться за помощью к этому старому другу, даже когда отца уже не было в живых. Гордая девушка не хотела слышать самой фамилии Шухвостова и женским чувством отвергала все его попытки помощи каким-нибудь окольным путем. Акинтич, умудренный житейским тяжелым опытом, пробовал привести к соглашению эту родовую ненависть, но все было бесполезно.

— Я тебя прогоню, — решительно заявила ему Марья Митревна. — Только посмей заикнуться о Шухвостове. Я умру над иголкой, пойду по миру, но от Шухвостова не возьму расколотого гроша.

— Марья Митревна, все люди — все человеки... — уныло повторял Акинтич, покачивая своей птичьей головкой. — Один бог без греха...

Марья Митревна, несмотря на нужду и горе, выросла красивой, здоровой девушкой. В свое время у нее явились и женихи, но все люди небогатые, которые не могли обеспечить родного гнезда. Один ей даже нравился.

Но приходилось выбирать между личным счастьем и ответственностью пред сиротами, — Марья Митревна выбрала последнее. Она вышла за богатого старика Хлюстина, который перед свадьбой заявил ей:

— Скоро я помру... Все твое останется.

Тяжело пришлось Марье Митревне. Хлюстин был не злой человек, даже по-своему добрый, но страшный самодур. В его доме стояло вечное пьянство и кормилась целая толпа всевозможных проходимцев. Переход от отчаянной бедности к этому пьяному богатству как-то ошеломил Марью Митревну. Между прочим, она разыграла тут и свой первый роман с красавцем приказчиком. Мужу донесли, он жестоко ее избил и прогнал. Она опять вернулась к своей родной нищете, но на этот раз озлобленной и с отчаянной решимостью устроиться во что бы то ни стало. Теперь у нее была уже опытность. В числе вечных гостей Хлюстина бывал и Савва Ермылыч, богатый сынок из раскольниковской семьи. Он сильно пил и робко засматривался на развернувшуюся красоту Марьи Митревы. Он же первый пришел к ней, когда разыгралась

драма, пришел сконфуженный, робкий, не смевавший поднять глаз.

— Надо как-нибудь устроиться... — говорил он виновато. — Так нельзя.

— Устроюсь, Савва Ермилыч. Только вот выбрать прорубь получше... А вы ко мне не ходите — наговорят, не знаю что.

Однако он не послушался и стал бывать. Марье Митревне нравились его покорность и молчаливая любовь. Ей уже хотелось и мужской ласки, и покровительства, и сознания, что она не одна. Кончилось тем, что Савва Ермилыч сделался своим человеком.

— Когда-нибудь старик умрет, — уговаривал он Марью Митревиу, стеснявшуюся своим нелегальным положением. — Тогда поженимся, и никто ничего не посмеет сказать...

Но старик Хлюстин не желал умирать и под пьяную руку вспоминал про молодую жену. Раз он послал за ней и велел явиться непременно. Марья Митревна бежала, но ее поймали на дороге и силой заставили вернуться к грозному старому мужу. Она опять была жестоко избита и посажена в темный чулан под домашний арест.

— Наложу на себя руки, — заявила она мужу решительно.

По всей вероятности, она привела бы в исполнение свою угрозу, но избавление пришло само собой. Хлюстин был найден убитым, когда он ехал на прииск. Кучер мог показать только одно, что кто-то выстрелил «из стороны».

Этим дело и кончилось, а Марья Митревна получила полную свободу и свою седьмую вдовью часть. Выждав законные шесть недель, она вышла замуж за Савву Ермилыча, — вышла не любя, а так, для порядка.

Убийство Хлюстина так и осталось загадкой. Ближе всего могли заподозрить Савву Ермилыча, но он в этот день был дома, а затем никто не мог бы поверить, что он решится на такое дело. Поговорили, посудили и помаленьку все забыли.

Умудренная первым опытом своего замужества, Марья Митревна вошла в дом второго мужа уже полной хозяйкой и с первых же шагов дала почувствовать свою тяжелую руку. Савва Ермилыч не смел пикнуть и в угоду же не отделился от семьи.

— Что же, ему такую бабу и нужно, — решили все, — Марья Митревнадохнуть не даст.

Устроившись по-новому, Марья Митревна несколько лет точно отдыхала. Она подняла на ноги и пристроила сестер и братьев и только тогда вздохнула свободнее.

В каких-нибудь пять — шесть лет Савва Ермилыч приведен был в состояние полного рабства. В собственном доме он казался приживальщиком, а все дела по промыслам забрала в свои руки Марья Митревна и с первых же шагов показала себя жохом-бабой. Впрочем, всем она говорила так:

— Мое дело женское... Я ничего не знаю. Как хочет Савва Ермилыч...

Что удивляло всех, так это то, что Марья Митревна по делам очень близко сошлась с Шухвостовым. Старая семейная вражда была забыта. Шухвостов пользовался довольно темной репутацией, как старый приисковый волк. У него всегда было по горло дела, и как-то всегда он не успевал. Говорили, что он висит на волоске, но год шел за годом, а Шухвостов все висел. В Октайском заводе его назы-

вали целовальником, потому что в молодости он сидел в кабаке.

О настоящем значении этого странного сближения знал только один старик Акинтич и только качал своей старой головой. С Марьей Митревной делалось что-то неладное. Ее охватила какая-то болезненная жадность. Кажется, и свою вдовью часть получила и мужнины капиталы все забрала, и все мало. Под рукой она повела крупную скупку краденой платины, которая быстро повышалась в цене. Шухвостов был ее правой рукой. У него не было таких денег, чтобы вести дело широко, да и стар стал, начал побаиваться. Одна Марья Митревна ничего не боялась и не обращала никакого внимания, что все на нее чуть пальцем не показывают.

— Поговорят да перестанут, — успокаивала она Елисея Ивановича, когда тот начинал волноваться. — И я про всякого могу сказать...

Интересно, что не боявшаяся никого и ничего Марья Митревна иногда трусила перед Акинтичем. На старика что-то находило. Он оставлял свой робкий вид и делался грубым.

— Куды деньги-то хапаешь, несытая ду-

ша? — сказал он ей однажды прямо в глаза. — С жиру бесишься.

Марья Митревна не нашлась, что ему ответить. Всю прислугу в доме она держала в ежовых рукавицах, и Акинтичу доставалось от нее вместе с другими, но в последнее время старик сделался раздражительным и грубил без всякого повода. Он приходил к Марье Митревне и заявлял:

— За жалованьем пришел...

— За каким это жалованьем?

— А вот за таким... При покойничке Дмитрие Васильевиче, когда он лежал больной, — за три года, после него до Хлюстина — тоже три года, при Хлюстине за три года да после Хлюстина за семь годов. Вот и считай: все шашнадцать годов.

— Да ты в уме ли, Акиптич?

— Даже очень в уме...

— Сыт, одет, в тепле — чего же тебе надо еще? Намедни гривенник дала тебе, да Савва Ермилыч гривенник, да сам на овсе сколько украдешь.

— Жалованье пожалуйста...

— Ну хорошо. Сейчас мне некогда, приходи

завтра...

Это был обычный способ отделаться от сумасшедшего старика. Марья Митревна была скупа до того, что не стыдилась утягивать у прислуги гроши.

IV

После рокового разговора с пьяным ревизором Марья Митревна точно взбесилась. Досталось прежде всего, конечно, Савве Ермилычу. Когда Кульков ушел домой, она сразу набросилась на мужа.

— Откуда этот пропоец мог все вызнать, а?

— А я-то... я почему знаю.

— Нет, ты говори... Вместе душу пропиваете... Ты же вот и проболтался обо всем под пьяную руку.

— Ничего не знаю, Маша. Пить действительно пили, а больше никакого разговора не было.

— Растерзать тебя мало, пьяницу!..

— Маша...

— Молчать! Убью и отвечать не буду... Небось, Степан-то Иваныч пьян, а сам все знает и говорит как по-писаному. Откуда же ему знать, окромя тебя?

— Про Шухвостова он действительно говорил... Хвастался, что поймает его с платиной и что давно выслеживает его. Да я ему не верю... А тебя он любит.

— Ха-ха!.. Ох, смерть моя... Любит, говоришь? И тебя тоже любит? Ха-ха... А что касемо Елисея Иваныча, так у него еще руки короткие... Фасоном не вышел... Пусть лакает свою мадеру, а Елисей Иваныч продаст его и купит на десяти словах.

Обругав еще пьяницу мужа, Марья Митревна спустилась к себе в спальню. Она долго ходила по комнате, стараясь разгадать, какими способами Кульков мог дознаться до всего. Ведь этак могла быть и крышка... Да еще он же, пропоец, и издевается над ней!..

Она достала из потайного шкапика бутылку восьмирублевой мадеры, как делала каждый вечер потихоньку ото всех, и стала пить одну рюмку за другой, чтобы успокоиться. Но спокойствия не было. Она бродила по спальне, как тень. Вино не действовало...

— Надо мной захотел, Степан Иваныч, посмеяться, — думала она вслух. — Нет, погоди... Слышал звон, да не знаешь, откуда он. Руки короткие. А что касемо Елисея Иваныча, так он сам еще поучит вас.

Но кто же доносит обо всем Кулькову? Откуда-нибудь он все знает... Кажется, кроме

стен, никто и ничего не видит, комар носу не подточит, а тут вдруг все известно. Мысль о тайном предателе засела в голове Марьи Митревы гвоздем. Да, он где-то тут витает невидимкой над самой душой и над ней же смеется.

— Савва Ермилыч, конечно, пропащий человек, только на такую штуку не пойдет, — продолжала она думать вслух. — Не таковский человек...

Потом она сообразила, что он не мог проболтаться и в пьяном виде, потому что ничего не знал. Кто же наконец? Где эта таинственная рука, которая готова была погубить ее каждую минуту?

Вдруг Марье Митреве сделалось все ясно...

Она накинула на плечи шаль и отправилась в кухню, где на полатах спал Акинтич.

— Эй ты, змей, вставай! — крикнула она.

Акинтич спал чутким стариковским сном и сейчас же проснулся.

— А... што? Ехать? — бормотал он спросонья.

— Оболокайся поскорее да приходи ко

мне... Надо мне тебе одно словечко сказать.

Акинтич слез с полатей, разыскал свой кафтанишко, поворчал в пространство и, почесывая натруженную поясницу, побрел в спальню к самой.

— Эк ее ущемило... — ворчал он, шаркая ногами. — Не стало дня-то. Помереть спокойно не даст...

Марья Митревна сурово встретила его в дверях...

— Я тебе давеча дала гривенник?

— Было дело...

— Давай назад!

— Ну, это не модель...

— Сказано: давай!..

Такое начало застало Акинтича врасплох, и он смотрел на хозяйку ничего не понимавшими глазами. Но она повернула его за плечо и вытолкала в кухню:

— Неси сюда деньги, змей!..

Акинтич повиновался. Он полез на полати, где-то шарил долго руками, потом гремел деревянным сундучком и, наконец, вернулся.

— На, змея подколодная! — проговорил он, швыряя два пятака на стол. — На, давьсь.

Марья Митревна взяла деньги, спрятала их в карман и сказала:

— Ну, теперь поговорим, змей!.. А как ты думаешь, откуда вызнал Степан Иваныч?.. А?!. Мы-то от него дураками гоним, а он вперед нас воротился и надо мной в глаза смеется. Все обсказал: и куда мы поехали и с чем поехали. Пряменько сказать: засрамил меня. Откуда бы ему все это вызнать?

— Не могу знать, Марья Митревна...

— А я тебе скажу: от тебя...

Акинтич сначала не понял, в чем дело, а потом отступил и замахал руками.

— Да, да, да!.. — наступала на него Марья Митревна. — Это ты, ты, ты... Ты продал меня, Иуда!.. Вон сейчас же из моего дома, и чтобы духу твоего не было...

— Куда же я пойду?

— Твое дело... Ступай к своему Степану Иванычу.

Она вытолкала его в шею. Акинтич вернулся в кухню, присел к столу и не знал, что ему делать. Очень уж обидело его хозяйское слово... Целый век прослужил, а теперь ступай на улицу, как слепая собака. Да и куда бы-

ло идти? Акинтич остался и бобылем-то все из-за семьи Мокрушина, — не до женитьбы было, когда Дмитрия Васильича кругом беда обступила. А как он маленькую Машу любил...

— Ты все еще сидишь тут, змей?! — крикнула Марья Митревна, появляясь в дверях кухни. — Вон сейчас же...

Что происходило дальше — осталось неизвестным. Утром Марью Митревну нашли в кухне с раскроенным черепом. Акинтич даже не сделал попытки к бегству и точно сторожил покойницу.

— Что ты наделал, старик? — спросил следователь.

Акинтич точно проснулся и ответил:

— Любил я ее, Машу... с измальства за родную.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликован в журнале «Север» 1897, No№ 8-11. Вслед за тем дважды печатался в сборнике «Золотая лихорадка», вышедшем в Екатеринбурге в 1900 и 1901 гг. Кроме «Хищной птицы», в состав сборника входили рассказы «На «Шестом номере», «Золотая ночь», «Злой дух» и «Ната». Название сборника как нельзя лучше характеризует тот основной круг вопросов, который затронут в этих произведениях.

Журнальный текст «Хищной птицы» имеет небольшие расхождения с текстом, опубликованным в сборнике «Золотая лихорадка» (в первом и втором изданиях сборника текст идентичен), налицо авторская правка, которая свелась в основном к стилистической доработке отдельных мест произведения.

Печатается по тексту второго издания сборника «Золотая лихорадка» (Екатеринбург, 1901) с исправлением замеченных опечаток.

Стр. 206. Шелковая «головка» — головная повязка, платок.

Стр. 210. «Зеленая улица» — два ряда солдат с палками, между этими рядами проводили истязуемого.